

Смерть
узника
СевДвинЛага

**Михаил
Каюрин**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Александрович Каюрин

Смерть узника СевДвинЛага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68863863

SelfPub; 2023

Аннотация

Осужденный по ложному доносу к 10-ти годам лишения свободы Марк Мироненко отбывает наказание в одном из лагерей СевДвинЛага. Голод и рабские условия труда приводят заключённого к неминуемой гибели. Перед смертью судьба сводит Марка со следователем, который сфабриковал ему Ст.58-10.

Михаил Каюрин

Смерть узника

СевДвинЛага

В угрюмой северной тайге день разгорался нехотя, будто не желал принимать бразды правления у безмолвной ночи. Плотный мрак, поглотивший с вечера лагерные бараки, та-ял неторопливо, растворяясь в бледных красках неба. Едва горизонт обозначился бледно-розовой полоской света, как в лагере тут же всё пришло в движение, будто его обитатели с нетерпением ждали этой долгожданной минуты.

Вспыхнул свет, захлопали двери, послышались отрыви-стые крики конвойных, выгоняющих измученных людей на построение. Заключённые, едва передвигая ноги, выходи-ли из душных бараков и, пошатываясь от слабости, понуро плелись к месту сбора. Конвойные матерно ругались, подго-няя прикладами отстающих, распяляли сторожевых собак, те злобно рычали и с яростным лаем рвались с поводка. Хоро-шо натренированные псы были готовы в любой момент рвать на куски безвольную людскую массу.

– Подымайся, сволочь! – гаркнул мордастый молодой кон-воир с рыжими таракаными усами, направляя ствол винтов-ки в лицо лежащего на снегу заключённого. – Подымайся, говорю, ну!? Иначе пристрелю, морда бандитская!

– А ты пристрели, дружок, сделай милость, – слабым голосом проговорил заключённый, переворачиваясь на спину. – Я буду тебе благодарен за эту услугу.

– Вставай, симулянт, не доводи до греха, – проговорил конвойный, сбавив на полтона свой простуженный голос. По всей вероятности, его ошарашила просьба истощённого зэка, и он был в замешательстве, тупо соображая, как ему следует поступить, если вдруг пожилой узник действительно не пожелает подняться и не станет догонять своих собратьев.

Сопровождение заключённых под конвоем от барака до места построения было введено сравнительно недавно. До этого их конвоировали только за пределами зоны, при шествии на трассу. Порядок охраны изменил новый начальник лагеря. При вступлении в должность ему доложили, что заключённые, ослабев от скудного пайка и изнурительной десятичасовой работы стали избегать построения и прятались в любых потаённых местах, лишь бы уклониться от непосильного труда на трассе. Страшась свалиться прямо в траншее и уже не подняться самостоятельно, они всячески стремились сделать хотя бы небольшую передышку. Кто-то ещё до подъёма пробирался на чердак барака, кто-то заползал в дальние углы под нары, а кто-то попросту зарывался в снег, пережидая в сугробе утреннюю суету.

Перекличку не проводили уже несколько месяцев, с тех пор, когда началась массовая дистрофия. Каждое утро с нар собирали по несколько остывших за ночь тел. Вводя обяза-

тельное конвоирование заключённых на утреннее построение, начальник лагеря вовсе не опасался, что кто-то из зэков способен совершить побег. Такого произойти не могло, поскольку периметр зоны охранялся достаточно надёжно, да и бежать зимой было бессмысленно: истощённый заключённый мог бы пройти по заснеженной тайге не более пяти километров. Затем его ожидала неминуемая смерть.

Сопровождение под присмотром вооружённой охраны делалось для устрашения и укрепления трудовой дисциплины.

Вновь прибывший начальник лагеря был убеждён, что на свете не существует человека, который бы не боялся смерти. Главное, рассуждал он, найти тот единственный метод для выработки страха, тот жестокий и безупречный стимулятор, который бы раз и навсегда исключил возможность уклонения от выхода на трассу.

Здоровых людей в лагере с каждым днём становилось всё меньше и меньше, а возложенный на него объём работ надо было выполнять любой ценой. Смертность среди заключённых из-за голода и физического истощения никого не интересовала. С этим фактом особо не церемонились и относили людские потери к неизбежным издержкам производства.

Строительство железной дороги Коноша-Котлас стояло на жёстком контроле в Главном Управлении Лагерями – Сев-ДвинЛаге.

Трудоспособных единиц здесь было чуть больше восьмидесяти процентов от общего числа заключённых, и этот про-

цент неумолимо таял. Каждый пятый заключённый становился немощным и оставался в бараке. Дистрофиков не отвозили в лагерьный лазарет, который находился в полусотне километров. Небольшое ветхое помещение не могло вместить всех обессиленных людей. Полутрупы оставляли лежать в лагерьном бараке на нарах. Люди, завернувшись в грязные лохмотья, безропотно ждали своей кончины.

Новый начальник лагеря решил лично убедиться в достоверности предоставленной ему информации, и уже на следующий день после отъезда своего предшественника устроил облаву.

Утром по его команде конвойные ворвались в бараки. Громко матерясь и угрожая оружием, они вытолкали на улицу всех, кто мог ещё держаться на ногах и погнали на построение колонны.

Двое солдат задержались в бараке. Присев на одно колено, они сделали около десятка выстрелов в тёмное пространство под нарами в разных направлениях и ушли. Вернувшись вечером с трассы люди выволокли оттуда несколько трупов. Желаящих спрятаться по утрам под нары больше не было.

– Вставай, Кузьма Дмитриевич, – усталым голосом проговорил худой зэк со впалыми щеками и серым безжизненным лицом, наклонившись к тому, что лежал на снегу. Он шагнул на метр впереди и обернулся на окрик конвойного, тут же вернулся, не обращая внимания на залиvistый лай

разъярённого пса. – Не следует принимать милостыню из рук иродов. Тот, кто даровал тебе жизнь, сам определит твой последний час. Давай руку, поднимайся.

Упавший заключённый что-то невнятно пробормотал, тяжело перевернулся на бок, потом медленно встал на четвереньки и, ухватившись обеими руками за локоть товарища, с трудом поднялся на ноги.

Мордастый конвоир молча наблюдал, как обессиленный заключённый, пошатываясь, встаёт на ноги. При этом его тараканьи усы непрерывно шевелились, поднимаясь вверх, будто их хозяин принюхивался к чему-то, и замерли лишь тогда, когда оба зэка сделали первый шаг вперёд.

– Догоняйте! – рыкнул он и хотел было ткнуть прикладом в спины обоим, но не стал этого делать, опасаясь, что поднывавшийся зэк может упасть от тычка вновь и тогда уже точно не встанет даже при помощи товарища. Он буркнул требовательно:

– Да побыстрее!

Заключённые невольно ускорили шаг.

– Соберись с духом, Кузьма Дмитриевич, – тихо произнёс Марк Мироненко, наклонившись к уху Житникова. – Тебе надо дойти до трассы, а там я тебя уложу у костра, ветками укрою до вечера от посторонних глаз, отлежишься немного, сил наберёшься на обратный путь.

– Не поможет мне уже ничего, Марк Сидорович. Чувствую, ушли мои силы, ушли бесповоротно.

– А ты не опускай руки преждевременно, борись до конца за свою жизнь и, главное, верь: Господь поможет тебе в этом, – поучительно сказал Мироненко.

– Господь мне не поможет, – через силу усмехнулся Житников. – Я ведь коммунист, антихрист, по-вашему. Прокажённый большевистской заразой. Бог отвернулся от меня ещё в семнадцатом году.

– Господь никогда не отворачивается от людей, даже если они совершили большой грех. Он всеблагий и премилостивый. Он любит нас всех и в высшей степени, как никто из людей.

– Неужели ты и вправду думаешь, Марк Сидорович, что я отрекись от коммунистических идеалов и ткнусь своей седой головой в религиозную паутину? – удивился Житников.

– Поверить в неограниченную силу и возможности Господа, полюбить его всей душой можно в любом возрасте, даже за мгновение до смерти, – назидательно проговорил Мироненко.

Житников хотел было возразить Марку, поспорить с ним, как это бывало у них не раз, но в это время последовал очередной окрик конвойного:

– Живее, сволочи! Не отставать! Прекратите трепаться! Колонна, вон, уже построена, скоро будет дана команда на выдвижение, а вы всё ещё тащитесь, как черепахи! Бегом! Ну!

Конвойный угрожающе повёл стволом винтовки в их сто-

рону. Мироненко и Житников, напрягаясь из последних сил, как могли, засемили к колонне.

До трассы Житников, опираясь на плечо Марка Мироненко, всё же доковылял. Когда колонна заключённых, разобрав инструмент, разбрелась по траншее, конвойные сошлись у костра, чтобы погреться и почесать языками. С этого момента они считали свою задачу выполненной, контроль за работой узников уже возлагался на бригадиров из числа заключённых.

Марк Мироненко, как и обещал, уложил друга на кучу плотно уложенного лапника, развёл рядом костёр. Бригадир, старый черкес с орлиным носом и сивой бородой во всё лицо, проходя мимо, остановился, гневно сверкнул на Марка чёрными глазами, гортанно проговорил:

– Его норма ты будэш делать, да?

– Буду, буду, не беспокойся, Абрек, – успокоил горца Марк.

Кавказец насмешливо скривил губы, пробежался взглядом по тощей фигуре Мироненко, добавил с упрёком:

– Он всё равно умрёт, а ты можешь ещё недолго жить. О сэбе надо думать.

– Не знаю, чему учит вас Коран, а в нашей Библии сказано, что каждый христианин обязан заботиться о ближнем, если тот нуждается в помощи.

– Тьфу! – сплюнул Абрек презрительно и двинулся дальше.

Марк знал, что за укрывательство от работы ему грозит ШИЗО, где не полагается даже той скудной пайки горячего супа и пшённой каши, которую заключённые получали на трассе. Провинившийся узник помещался в крохотное неотапливаемое помещение штрафного изолятора на несколько суток и мог иметь все шансы быть вынесенным оттуда по истечении срока сразу на лагерный погост.

Не взирая ни на что, в обед он отдал свой паёк обессиленному Житникову.

– Ты что, Марк Сидорович, в своём уме? Убери! – запротестовал Житников, увидев поставленную перед собой миску товарища. – Не буду я объедать тебя, мне в горло не полезет твоя каша!

– Сам погибай, а товарища выручай, – печально произнёс Мироненко. – Слышал такую заповедь?

– Ты же не воевал за красных, откуда тебе известно такое наставление? – вяло усмехнулся Житников. – Так ведь только красноармейцам вдалбливали в головы отцы-командиры.

– Коммунисты много чего позаимствовали из Библии, поверь мне на слово, Святое Писание я знаю почти наизусть. К тому же делаю это я вовсе не безвозмездно.

– И чего ты потребуешь взамен? – поинтересовался Житников.

– Сегодня я спасаю тебя от неминуемой гибели, а завтра ты меня. Иначе в таких условиях в одиночку нам не выжить.

Кузьма Дмитриевич внимательно посмотрел в лицо Мар-

ка, будто убеждаясь в отсутствии подвоха и принялся хлебать баланду.

Так повторялось на протяжении недели. Житников немного окреп, передвигался без посторонней помощи и вскоре взял в руки кирку. Всё это время он по распоряжению Марка ошипывал пихтовые ветки, складывал иголки в ведро. Потом добавлял туда снег, ставил на огонь, долго кипятил. Получался отвар. Горькое варево пили перед приёмом пищи все желающие.

И, всё-таки, какой-то злопыхатель не удержался, доложил об укрывательстве лагерному начальству. Марк Мироненко попал в ШИЗО.

Недоедание и лютый холод штрафного изолятора моментально надломили здоровье Марка Мироненко. Уже через несколько дней, обессиленный, он, взмахнув киркой в начале рабочего дня, рухнул вместе с ней в траншею на мёрзлую землю и не смог подняться самостоятельно.

Житников сделал несколько безуспешных попыток поставить друга на ноги, но Марк всем телом висел у него на плече. Ноги политического узника подкашивались и уже не слушались.

Подошёл бригадир-черкес. Бросив на лежащего Марка ястребиный взгляд, с гортанными звуками в голосе, злорадно протянул:

– Э-э, дарагой, надо было не Бога слушать, а мэна. Зачем спасал друга, а? Зачем морил сабэ голодом? Тэперь тэбе ни-

кто не поможет, будэш сдыхать, да!

К концу дня немощных, свалившихся в траншею от истощения, как Марк Мироненко, набралось пять человек. Их погрузили на сани, как дрова, и лошадь, фыркнув недовольно, потащила безжизненные тела в лагерь.

Уже перед воротами зоны дровни остановил начальник лагеря. Он был верхом на лошади, направлялся в сторону трассы, чтобы лично оценить ход строительства железной дороги. Так он поступал два раза в неделю, не доверяя докладам подчинённых.

– Куда путь держишь? – спросил он ездового строгим голосом.

Солдат срочной службы с белесыми бровями и множеством веснушек на лице натянул вожжи, остановил кобылу.

– Так это... доходяг мне загрузили, в барак везу, товарищ начальник лагеря. Грят, отошшали шибко, бахнулись в траншею прямо с кайлом в руках ишо утром, а подняться ужо не смогли. Так и лежали на снегу, пока я кобылу не подогнал. Мертвяки, одним словом.

– Ты уверен, что среди них нет симулянтов? – с раздражением спросил начальник и подумал: «Мрут, как мухи, чёрт подери! При таких делах и план завалить можно. Товарищ Берия строго спросит с руководства СевДвинЛага, а оно на мне отыграется. Завтра же надо будет поинтересоваться о новом пополнении».

– Кто их знает, товарищ начальник лагеря, – с неуверен-

ностью ответил ездовой. – Волоком к саням ташшили, ид-
тить самим у них силов не осталось.

– Может, прикидываются, чтоб отлежаться в бараке? – по-
пытал Кожевников ездового, буравя рязанское лицо острым
взглядом.

– Дык, по требованию Абрека загружали, с него и спрос
чинить, ежели што...

– А ну, дай посмотрю, что за фрукты везёшь? – Кожев-
ников спрыгнул с коня, передал поводья солдату, подошёл
вплотную к саням.

Заключённые лежали на спине, устремив неподвижный
взор в небо. Один из них с трудом повернул голову в его сто-
рону, и вымученно, но, как показалось Кожевникову, с нот-
кой нескрываемой радости, вдруг произнёс:

– Вот уж не ожидал, гражданин начальник, что Всевыш-
ний ниспошлёт мне ещё одну встречу с тобой.

Голос заключённого угас, он умолк и тяжело задышал,
будто выполнил тяжёлую работу, после которой требовалась
срочная передышка. И хотя этот голос был слабым и хрип-
лым, Кожевников безошибочно определил, кому он при-
надлежит. Брови начальника лагеря от удивления взлетели
вверх, кожа на скулах натянулась до предела.

– По глазам вижу: узнал, – глухо проговорил заключённый
с каким-то внутренним воодушевлением. – Значит, запал я
тебе в душу со своими проповедями, значит, терзается она
сомнениями.

Глядя на безжизненное тело в санях, Кожевников не сразу нашёлся, что ответить. Он стоял и молчал с полминуты под этим ожившим вдруг дерзким взглядом, выражающим независимость и превосходство над ним даже сейчас, находясь одной ногой в могиле. Наконец, произнёс задумчиво:

– Да-а, не зря говорят: гора с горой не сходится, а человек с человеком даже у чёрта на куличках способен столкнуться нос к носу. Вот и мы с тобой, Марк Сидорович, свиделись в очередной раз.

– Можешь возрадоваться, Афанасий Никифорович, – усмехнулся Мироненко. – Это последняя наша встреча. Ты добился своей цели.

– Какой цели?

– Неужели запамятовал?

– Да разве упомнишь всего? – небрежно ответил Кожевников, пытаясь припомнить все свои слова, обронённые им на допросе Мироненко в тридцать седьмом году, однако они не всплыли в его памяти.

– Ты обещал сгноить меня в лагерях, ещё во время раскулачивания, – насмешливо проговорил Марк, – через десять с половиной лет это у тебя получилось.

– Что-то не припомню я таких слов, – морщась, как от зубной боли, пробурчал Кожевников, отрешиваясь от обвинения. Потом, будто оправдываясь, добавил:

– Ты сам себя наказал, Марк Мироненко. Всё могло сложиться иначе, если бы...

– Если бы что?

– Если бы ты не противился завоеваниям революции, – как-то неуверенно закончил свою мысль Кожевников.

– Революция принесла жестокость и насилие, разве мог я принять такие завоевания? – Марк нашёл в себе силы и приподнял голову. – Я был бы рад принять любые преобразования большевиков, в которых свобода, равенство и справедливость стояли бы у власти на первом месте.

Ездовой стоял поодаль, удерживая за поводья нервного коня, и с удивлением слушал разговор доходяги с начальником лагеря. Он никак не мог понять, почему всесильный «кум» уделяет столько внимания одному из доходяг.

«Неужели родственником приходится начальнику лагеря? – подумал солдат. – Или знакомого случайно встретил?»

Его чрезмерное любопытство не ускользнуло от опытного глаза Кожевникова. Он тут же прикрикнул на него:

– Не видишь, что ли, конь разволновался?! Отведи подалее от кобылы! Вон к тому дереву!

Ездовой с недоумением посмотрел сначала на коня, потом на мирно стоящую кобылу. Не посмев ослушаться начальника лагеря, потянул за уздцы хозяйского жеребца в сторону, отвёл к дереву метрах в двадцати.

– Скажи, Марк Сидорович, ты по-прежнему веришь в существование Бога? – понизив голос, спросил Кожевников, будто стыдясь ездового за свой крамольный вопрос.

– Моя душа туманом не окуталась, чтобы отречься от Гос-

пода. Вера в него здесь только укрепилась.

– Тогда чего же он не уберёт тебя от гибели? – ухмыльнулся Кожевников. – Не дошли молитвы до него? Будь я на твоём месте – давно бы уже выматерил этого бога-призрака и забыл о нём навсегда. Зачем поклоняться ему, если он не помог тебе ни разу в жизни?

– Господь воспитывает душу человека, не ограждая его от зла. Я благодарен ему за избавление от дальнейших мучений, но тебе этого не понять, Афанасий Никифорович.

– Это почему же мне не понять?

– Потому что ты находишься на другом уровне бытия. Цель твоей жизни – злоба и коварство. Ты ведь, по сути своей, и не человек вовсе.

– Хм-м, а кто же я по-твоему? – нервно рассмеялся Кожевников.

– Отрыжка дьявола. Ты весь покрылся слоем грехов, как старое корыто ржавчиной. Соскребай, не соскребай этот вредоносный слой – первозданного вида не достигь. Его остаётся только сдать в утиль, чтобы извлечь хоть какую-то пользу. И твою душу уже не спасти – слишком поздно, испоганена она ненавистью к инакомыслящим.

– Вот даже как! – в глазах начальника лагеря на секунду вспыхнула ярость, но тут же угасла. Если бы он услышал эти слова от человека полного сил и энергии, он не смог бы сдержаться, избил бы его в кровь, придя в исступление от дерзкого высказывания. Сейчас же Кожевников поймал се-

бя на мысли, что не способен ударить это беспомощное тело. Не было той злости и ненависти, которую он испытывал ко всякому, кто посмел его оскорбить. Напротив, появилось странное и неожиданное желание выслушать Мироненко до конца, не взирая на нелестные эпитеты в свой адрес.

– Ну-ну, продолжай, очень уж любопытно услышать последние слова библейского мудреца перед своей кончиной, – проговорил он со злой усмешкой. – У тебя, наверно, много слов припасено за щекой для меня. Что ж, выплюнь их, коли случай представился, облегчи душу.

– Мне больше нечего тебе сказать, Афанасий Никифорович, – вяло произнёс Мироненко. – Да и к чему ворошить прошлое? Но вот один вопрос я бы, всё-таки, задал тебе напоследок.

– Валяй, слушаю.

– За какие грехи ты угодил сюда? Опять палку перегнул на службе? Чрезмерное рвение проявил? Или на этот раз от фронта сбежал?

– Отправки на фронт я не боюсь, и трусом себя не считаю! – негодуя, отрезал Кожевников. – Понадобится Родине – и рядовым на передовую пойду!

– А сейчас, надо полагать, такой необходимости ещё не настало? – подковырнул Мироненко. – Контролировать каторжный труд врагов народа пока намного важнее, чем бить фашистов, верно?

– Ты, Марк Сидорович, не брызгай на меня ядовитой жел-

чью, не пытайся усовестить. Напрасно стараешься. Я свой долг перед Родиной исполняю так, как требует того обстановка. Приказано мне построить железную дорогу – построю, чего бы это не стоило. Война закончится не сегодня, успею и дорогу построить, и фашистов поколотить. Моя совесть чиста перед партией.

– Перед партией-то чиста. А перед теми невинными жертвами, которые прошли через твоё страшное сито и уже умерли, так и не дождавшись восстановления справедливости? Или перед теми, кому предстоит умереть уже в ближайшее время? Сможешь ты оправдаться перед их родными и близкими? Здесь твоя совесть тоже чиста? А у самой партии совесть не помутилась за двадцать лет тирании невинных людей?

У Кожевникова перекосилось лицо от ярости, ноздри раздулись, на скулах заходили желваки, но он опять сдержал себя. Не сразу собрался с духом, что сказать в ответ.

Потоптавшись нелепо у саней, крепко сжимая в руках плётку, Кожевников решил прекратить дискуссию, ушедшую в сторону от намеченного русла.

– Вот что, Марк Сидорович, – с раздражением проговорил, наконец, Кожевников. – Ты не поп, а я не грешник, чтобы исповедоваться перед тобой. В одном ты прав: мы никогда не поймём друг друга. Прощай.

– Прощай, Афанасий Никифорович, – из последних сил тихо произнёс Мироненко, тяжело задышав. – И помни: со-

весть – не двухсторонняя штука, у неё не может быть чистой и грязной стороны. Совесть не проявляется частями. Она у человека либо есть, либо отсутствует вообще.

Голова Марка в бессилии опустилась на дно саней, глаза медленно закрылись.

Словно кипятком облили Кожевникова эти последние слова умирающего Мироненко. Он вдруг почувствовал в себе какой-то нездоровый озноб, как при простудном заболевании.

«Чего ради пустился я в рассуждения с ним? – со злостью подумал он, шагая к ездовому. – Будто чёрт меня попутал остановиться у саней! И вот, нарвался в очередной раз на комплименты, твою мать! Помнится, кто-то из заключённых сказал однажды: разговор может длиться всего минуту, а переваривать его потом придётся годами. Это кулацкое отродье зароют через неделю в мерзлую землю за зоной, а я буду вспоминать о нём очень долго. Да и забуду ли вообще, чёрт бы его подрал! Отрыжка дьявола! Покрылся слоём грехов, как старое корыто ржавчиной! Надо же такое сказать!»

Ездовой, увидев, что начальник лагеря направился к нему, быстро потянул жеребца за уздцы, двинулся навстречу. Взяв от солдата поводья, Кожевников вскочил в седло, резко рванул на себя уздечку. Удила врезались в лошадиные губы, жеребец от боли заржал и встал на дыбы. Кожевников хлестанул его плёткой по крупу и на развороте гневно прокричал:

– Увози этих сволочей отсюда, пусть подышают в бараке! И никакого им пайка больше не давать! Понял?!

– Понял, товарищ начальник лагеря... – растерянно про-
бормотал ездовой, но Кожевников уже не услышал его голо-
са. Взбудораженный конь с места помчался галопом и за счи-
танные секунды унёс всадника далеко от печальных саней.

...Марк Сидорович Мироненко скончался от пеллагры на
нарах барака для дистрофиков через неделю. Случилось это
ранним утром 6 марта 1942 года, когда выползающее из-
за горизонта багряное солнце принялось румянить утрен-
ней позолотой заснеженные поляны и стволы деревьев вдоль
трассы будущей железнодорожной ветки Коноша – Котлас...